

УДК: 82-3

УТОПИЧЕСКИЙ НЕОМИФОЛОГИЗМ
БРАТЬЕВ А. И Б. СТРУГАЦКИХ В ПОВЕСТИ
«ПОНЕДЕЛЬНИК НАЧИНАЕТСЯ В СУББОТУ»

Толоконникова Светлана Юрьевна,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры
филологических дисциплин и методики их преподавания
Борисоглебского филиала Воронежского
государственного университета (г. Борисоглебск)
397163, Россия, г. Борисоглебск Воронежской области,
Северный м-н, д. 14, кв. 11,
тел.: +7 915 5437997; e-mail: toloksvelana@yandex.ru*

Автор статьи рассматривает особенности неомифологизма конца XIX начала XX веков в творчестве братьев Стругацких. Цель статьи – рассмотреть особенности того, как А. и Б. Стругацкие используют и преломляют в своих произведениях традиционное мифологическое начало и новые мифы XX века. При анализе используются интертекстуальный, мифопоэтический, семиотический методы. Вначале говорится о том, какие черты неомифологизма и утопии характерны для повести А. и Б. Стругацких «Понедельник начинается в субботу». Рассматривается синтез традиционных и новых мифологических образов и мотивов в тексте, интерпретируются черты неомифологической иронии в произведениях. В конце статьи делается вывод о том, что новые герои становятся demiургами Нового Мира, творя его с помощью науки, и остаются в нем культурными героями, защищая космос от хаоса новой, молодой и свободной (дающей право и возможность личного выбора) нравственностью. Творчество братьев Стругацких с его неомифологической иронией своеобразно повлияло на целую плеяду представителей позднейшей литературы, в частности, авторов иронического фэнтези. Анализ этого влияния может стать целью будущих научных исследований.

Ключевые слова: А. и Б. Стругацкие, фантастическое, утопия, миф, сказка, неомифологизм, культурный герой.

Участие в сотворении новой социально-философской мифологии – важный аспект неомифологизма многих представителей русской литературы XX века, в том числе и неомифологизма братьев Стругацких.

Цель нашей статьи – рассмотреть особенности того, как А. и Б. Стругацкие используют и преломляют в своих произведениях традиционное мифологическое начало и новые мифы XX века.

Творчество А. и Б. Стругацких вполне справедливо рассматривается как научная фантастика. Следует учитывать также, что это одновременно философско-психологическая проза часто с антиутопическими тенденциями. Последнее объясняется прежде всего тем, что фантастика и антиутопия – понятия генетически неразделимые (в антиутопии изображается искаженное общество *будущего*), и представляющие традиционно социологизированную русскую литературу фантасты естественно уходили в антиутопию. Стругацкие так же, как и большинство современных им фантастов, при изображении будущего не слишком часто обращались к идее, например, победы коммунизма во всем мире. Зато нередко они демонстрировали пороки возможного будущего общества, которые, с их точки зрения, обусловлены и иницированы природными противоречиями и недостатками человеческой личности. Поэтому в советской литературе Стругацкие всегда были полупопальными писателями, чьи произведения печатались нечасто, преимущественно недостаточными тиражами, иногда распространялись только в самиздате.

Однако случались в их творчестве и утопии или произведения с элементами утопии. Наиболее известное из подобных – повесть «Понедельник начинается в субботу». Это произведение, во-первых, явно неомифологическое, а утопизм в нем сочетается с неомифологической иронией (которая вообще весьма характерна для прозы Стругацких); во-вторых, в тексте иронически переосмысливается жанр производственного советского романа 20–30-х годов.

Как и в советском производственном романе времен интенсивной индустриализации, большинство персонажей «Понедельника...», и в первую очередь его главный герой Александр Иванович Привалов, преподносятся как высококлассные профессионалы и энтузиасты избранного ими поприща. Они – сотрудники научно-исследовательского института, ученые-физики.

Повесть «Понедельник начинается в субботу» писалась братьями Стругацкими в первой половине 60-х годов, вышла в свет в 1965-м. Это была еще хрущевская «оттепель», романтический период после-сталинского строительства коммунизма, который, казалось, вот-вот настанет. Это было время будущего, а следовательно, – молодежи: комсомольских строек, ударных молодежных бригад, молодого энтузиазма, сменившего страшную сталинскую эпоху. Это было время не *отцов* (половина которых отсидела в лагерях, тогда как другая половина их охраняла), а тех самых *детей*, которые «завтра будут жить при ком-

мунизме», а сегодня гораздо более свободолобивы и оптимистичны, чем запуганное старшее поколение. Сталинскую мифологию в этот период постепенно сменили мифы нового времени, с новыми культурными героями. Если раньше в социально-политической мифологии страны Советов преобладали шахтеры, сталевары, трактористы, свинарки, летчики и другие подобные представители общества, которое быстро индустриализируется и милитаризируется, то после смерти И. В. Сталина наиболее актуальными становятся представители профессий, представляющих науку, социально-бытовую сферу, культуру и образование.

Прежде всего партией и правительством был объявлен курс на интенсификацию всяческого труда и спешное покорение природы. Среди абитуриентов большой популярностью стали пользоваться вузы, в которых можно было получить инженерно-политехническую, физико-технологическую, химико-биологическую специальности. Молодежь охотно шла в фундаментальную науку, различные конструкторские бюро и научно-исследовательские институты росли, как грибы после дождя. В среде студентов и молодых ученых тех времен царили эйфория и энтузиазм, порожденные убеждением, что им, новому поколению, подвластны все тайны природы, что вот-вот последняя из них будет разгадана – прямо-таки здесь и сейчас. Стремление *покорять*, преодолевать трудности у этой новой молодежи было таким сильным, что сформировало даже новый стиль отдыха. В моду вошли туризм (в том числе – и новинка: автотуризм), альпинизм, плавание по северным рекам и пр. То, что сейчас модно называть «экстремальными видами спорта». Эти тенденции отразились в новой массовой культуре: иногда романтически («туристские» и «альпинистские» песни Ю. Визбора, других представителей КСП, В. Высоцкого), иногда иронически. Последнее явление особенно интересно. Как правило, это довольно мягкая ирония, шутка, а не насмешка. Ср.:

*Вы подумайте, что за волшебники
Современные колдуны!
Чудодеи науки и техники,
Выдающиеся умы!
Они все объяснили, расчислили
И в красивые схемы свели,
И нечистую силу очистили
И в ковер-самолет запрягли.*

(Ю. Ким «Гимн науке»

<из цикла «Сказка братьев Стругацких»>) [2, 85].

*Тропы еще в антимир не протоптаны, –
Но, как на фронте, держись ты!
Бомбардируем мы ядра протонами,
Значит мы – антиллеристы.*

*Нам тайны нераскрытые раскрыть пора –
Лежат без пользы тайны, как в копилке, –
Мы тайны эти с корнем вырвем у ядра –
На волю пусти джинна из бутылки!*

(В. Высоцкий «Марш студентов-физиков») [1, 92].

Описанные общественные настроения и тенденции нашли свое отражение в повести А. и Б. Стругацких «Понедельник начинается в субботу». Программист Привалов (он же одновременно и физик – представитель касты новых культурных героев), обожающий свою работу и именно в ней одной видящий смысл жизни (еще один признак нового культурного героя), круто поменял свою судьбу во время отпускного путешествия на автомобиле со спальным мешком и палаткой в компании хороших друзей (третий признак нового культурного героя). Новое место его работы называется НИИЧАВО, что расшифровывается как Научно-исследовательский институт чародейства и волшебства. Уже в название учреждения заложены две тенденции, обе характерные для неомифологизма. Первая тенденция – это неомифологическая ирония. Аббревиатура НИИЧАВО ассоциируется с искаженно произнесенным «ничего», что намекает на отсутствие, вымышленность описанного. В то же время это «ничего» изучается с помощью современных научных методов – физиками, химиками, программистами, техниками. Изучается природа непознанного, изобретаются невиданные ранее вещи, которые можно использовать на благо человечества: в отделении Линейного Счастья делалось «<...> все возможное в рамках белой, субмолекулярной и инфранейронной магии, чтобы повысить душевный тонус каждого отдельного человека и целых человеческих коллективов»; там можно увидеть, «<...> как работает гигантский дистиллятор Детского Смеха, похожий чем-то на генератор Ван де Граафа»; Колесо Фортуны научились использовать как источник вечной энергии [4, 80; 83] и т. д. То есть древнее «мракобесие» с помощью точной науки заставили служить людям. И сделали это не какие-то там древние и никчемные боги, а молодые советские ученые, воспринимающие древнее волшебство не как мистику, а всего лишь как загадки природы, которые можно и должно разгадать. Даже непривычный Привалов, попадая в чудную обстановку, быстро осваивается в ней и с первого же момента начинает пытаться ее логически анализировать.

Восприятие Приваловым фантастического, сказочного мира условно можно разделить на три этапа. **Этап первый** – стремление видеть в необычном обычное, тем более, что необычное выглядит буднично: «Я с изумлением читал вывески. Их было три. На левой воротине строго блестя толстым стеклом синяя солидная вывеска с серебряными буквами: «НИИЧАВО. Изба на куриных ногах. ПАМЯТНИК СОЛОВЕЦКОЙ СТАРИНЫ». На правой воротине сверху висела ржавая жестяная табличка: «Ул. Лукоморье, д. № 13, Н. К. Горыныч», под нею красовался кусок фанеры с надписью чернилами вкривь и вкось: КОТ НЕ РАБОТАЕТ. Администрация».

– Какой КОТ? – спросил я. – Комитет Оборонной Техники?»; На воротах умаскивался, пристраиваясь поудобнее, гигантский – я таких никогда не видел – черно-серый с разводами кот. Усевшись, он сыто и равнодушно посмотрел на меня желтыми глазами. «Кис-кис-кис», – сказал я машинально»; «Двор был обширный, в глубине стоял дом из толстых бревен, а перед домом красовался приземистый необъятный дуб, широкий, плотный, с густой кроной, заслоняющей крышу. От ворот к дому, огибая дуб, шла дорожка, выложенная каменными плитами. Справа от дорожки был огород, а слева посередине лужайки, возвышался колодезный дуб с воротом, черный от древности и покрытый мохом» [4, 9; 10; 11]; и др. **Второй этап** восприятия – удивление и уверенность в том, что увиденное – галлюцинация: «Я рывком поднялся и спустил ноги с дивана. Голос умолк. Мне показалось, что говорили откуда-то из-за стены. В комнате все было по-прежнему, даже вешалка, к моему удивлению, висела на месте»; «Я встал и подошел к зеркалу. Я не увидел своего отражения. В мутном зеркале отражалась занавеска, угол печи и вообще много вещей. Но меня в нем не было.

– В чем дело? – спросил голос. – Есть вопросы?

– Кто это говорит? – спросил я, заглядывая за зеркало. За зеркалом было много пыли и дохлых пауков. Тогда я указательным пальцем нажал на левый глаз. Это было старинное правило распознавания галлюцинаций <...>»; «Я лежал животом на подоконнике и, млея, смотрел, как злосчастный Василий бродит около дуба то вправо, то влево, борочет, откашливается, подвывает, мычит, становится от напряжения на четвереньки – словом, мучается несказанно» [4, 19; 20; 22] и пр. **Третий этап** восприятия героем волшебного – уверенность в том, что его можно и нужно изучать: «Все, чему мне случилось быть здесь свидетелем, не было мне совершенно незнакомым, о подобных случаях я где-то что-то читал и теперь вспомнил, что поведение людей, попадавших в аналогичные обстоятельства, всегда представлялось мне необычайно, раздражающе нелепым. Вместо того, чтобы полностью использовать увлекательные перспективы, открывшиеся для них счастливым случаем, они пугались, старались вернуться в обыденное. <...> Я уже

обдумывал кое-какие эксперименты с книгой-перевертышем <...>, с говорящим зеркалом и с цыканьем. У меня было несколько вопросов к коту Василию, да и русалка, живущая на дубе, представляла определенный интерес <...>« [4, 25]. Таким образом, ученый остается ученым, материалистический, научный подход к сказочным объектам и явлениям оказывается для него единственно возможным, а мир сказки и мифа естественно вписывается в современность, исследуется и охраняется современной наукой.

Но в этом новом советском институте трудится и кое-кто еще, чье присутствие усиливает мифологизацию текста. Это древние мифические маги и волшебники, алхимики, астрологи и т. д. (Мерлин, Жиан Жиакомо, Крестобаль Хунта, Федор Симеонович Киврин). Оказывается, что они всегда занимались не какими-то там волшебством и шарлатанством, а химией и физикой, которые считались магией в незапамятные времена. А теперь эти персонажи руководят отделами и лабораториями в институте. Директор же НИИЧАВО – сам древнеримский бог Янус в своих обеих ипостасях (Янус Полуэктович). Как тут не вспомнить выражение Пифагора о том, что боги занимаются геометрией (в нашем случае читай: физикой). Как видим, по устоявшейся мифологической традиции, новые культурные герои – молодые советские физики – находятся под покровительством (руководством) могущественных мифологических персонажей и участвуют «<...> прямо или косвенно в создании самого мира, его элементов как природных, так и культурных» [3, 653], т. к. *совершенствуют* космос на благо человечества.

Естественно, как уже было отмечено, далеко не последнее место здесь занимает мифологическая ирония. Она нарастает поступательно, с появлением все новых и новых персонажей, многие из которых сказочные или мифологические. Мифологические образы, темы и мотивы помещаются в повести в новый, чуждый им социальный контекст и из-за этого не только утрачивают свой сакральный характер или его видимость, но и иронически адаптируются к этому контексту, становясь смешными. Например, смотрительница избы на куриных ногах Наина Киевна Горыныч – внешне типичная Баба-Яга, но в современной синтетической косынке: «Хозяйке было, наверное, за сто. <...> Лицо у нее было темно-коричневое; из сплошной массы морщин выдавался вперед и вниз нос, кривой и острый, как ятаган, а глаза были бледные, тусклые, словно бы закрытые бельмами. <...> Голова бабки поверх черного пухового платка, завязанного под подбородком, была покрыта веселенькой капроновой косынкой с разноцветными изображениями Атомiums и с надписями на разных языках: «Международная выставка в Брюсселе» [4, 11]. Наина Киевна Горыныч сохранила природные, сказочные лукавство и жадность, которые расцениваются как пережиток и воспринимаются снисходительно, продолжает исполнять некото-

рые функции ведьмы (участвует в шабаше на Лысой горе, называемом теперь «ежегодным республиканским слетом»). Наина прекрасно адаптировалась к современности, а сама по совместительству является и сотрудницей НИИЧАВО, и музейным изучаемым экспонатом. Органичность сочетания сказочной и советской сущности в Н. К. Горыныч доказывает, например, следующий диалог:

«– Таким вот образом, Наина Киевна! – сказал горбоносый, подходя и обтирая с ладоней ржавчину. – Надо нашего нового сотрудника устроить на две ночи. Позвольте вам представить... м-м-м...

– А не надо, – сказала старуха, пристально меня рассматривая. – Сама вижу. Привалов Александр Иванович, одна тысяча девятьсот тридцать восьмой, мужской, русский, член ВЛКСМ, нет, нет, не участвовал, не был, не имеет, а будет тебе, алмазный, дальняя дорога и интерес в казенном доме, а бояться тебе, бриллиантовый, надо человека рыжего, недоброго, а позолоти ручку, яхонтовый...» [4, 12].

Многие другие мифологические существа, обитающие в стенах НИИЧАВО и вошедшие в штат сотрудников института, также не могут до конца избавиться от дурных привычек, но они, во всяком случае, стараются в приличном обществе скрывать свои недостатки. Например, вурдалак Альфред, хотя и любитель выпить, но тщательно маскирует спиртное под чай и вообще очень стыдится своего недостатка. Он очень хочет быть своим в этом новом мире: мире чистой науки, молодого энтузиазма, высокой нравственности и радостного труда, когда «понедельник начинается в субботу», а социальных недостатков становится все меньше и меньше. Те же персонажи из сказки и мифа, контроль над которыми невозможен, содержатся в так называемом виварии и служат науке в качестве подопытного материала: это дракон, Лернейская гидра, гарпии, гекатонхейры, джинны и демоны, нераскаявшиеся вурдалаки и, наконец, Кощей Бессмертный.

Выводы. Итак, новые герои становятся демиургами Нового Мира, творя его с помощью науки, и остаются в нем культурными героями, защищая космос от хаоса новой, молодой и свободной (дающей право и возможность личного выбора) нравственностью.

Творчество братьев Стругацких с его неомифологической иронией своеобразно повлияло на целую плеяду представителей позднейшей литературы, в частности, авторов иронического фэнтези. Анализ этого влияния может стать целью будущих научных исследований.

Список литературы

1. Высоцкий В. Сочинения. В 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1993. 345 с.
2. Ким Ю. Летучий ковер: Песни для театра и кино. М.: Киноцентр, 1990. 320 с.

3. Мифологический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. М.: Советская энциклопедия, 1991. 672 с.

4. Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н. Сочинения. В 3 т. Т. 1. М.: Текст, 1996. 132 с.

UTOPIAN MYTHOLOGYSM BROTHERS
A. AND B. STRUGATSKY IN THE NOVEL
«MONDAY BEGINS ON SATURDAY»

Tolokonnikova Svetlana Yurievna,

*Ph.D., Associate Professor of
Borisoglebsk branch of Voronezh state University
(Borisoglebsk, Russia),
tel.: +7 915 5437997; e-mail: toloksvelana@yandex.ru*

The author considers peculiarities neomifologizm late XIX early XX century in the works of the Strugatsky brothers. The purpose of the article to review the specifics of how and B. Strugatsky use and refract in their works the traditional mythological beginning and new myths. The analysis used intertextual, mythopoetical, semiotic methods. First, they say what features neomifologizm and utopia are characteristic of the novel A. and B. Strugatsky «Monday begins on Saturday». The synthesis of the traditional and new motifs and mythological images in the text, interpreted the features neomifologizm irony in the works. At the end of the article concludes that the new heroes are demiurges the New World, to do it with the help of science, and remain in it cultural heroes, protecting the space from the chaos of the new; young and free (which gives the right and the possibility of personal choice) morality. Strugatsky brothers with his neomifologizm irony peculiar effect on a whole galaxy of representatives of the later literature, in particular, the authors of ironic fantasy. The analysis of this influence may be the goal of future research.

Keywords: *A. and B. Strugatsky, fantastic utopia, myth, fairy tale, neomifologizm, cultural hero.*

References

1. Vysockiy V. Sochineniya. V dvuh tomah [Composition. In 2 volumes]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1993. Vol. 1. 345 p.

2. Kim Yu. Letuchiy kover: Pesni dlya teatra i kino [Flying carpet: Songs for the theatre and cinema]. Moscow: Kinocentr Publ., 1990. 320 p.

3. Mifologicheskii slovar [Mythological dictionary] / Ed. Ye.M. Meletinskiy. Moscow: Sovetskaya enciklopediya Publ., 1991. 672 p.

4. Strugackiy A.N., Strugackiy B.N. Sochineniya. V tryoh tomah [Composition. In 3 volumes]. Moscow: Text Publ., 1996. Vol. 1. 132 p.